4-й ГОД ИЗДАНИЯ № 14 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

АПРЕЛЬ Ленинград, Просп. 25-го Октября, 88. Телефон редакции и конторы 5-49-78. 1926 ГОД

Рис. В. Лебедева



И ЕЩЕ ОДИН НОЖ В СПИНУ РЕВОЛЮЦИИ.

В ХВОСТЕ СОБЫТИЙ

Мои герои—кратко—вот (хотя „герои"—слишком громко!):
Иван Семеныч—счетовод.
Полина Львовна—моссельпромка.
Роман—в знакомых всем местах и о присущих веку нравах...
Он—не в частях.
И он—не в главах.
Он просто—в четырех хвостах.

ХВОСТ ПЕРВЫЙ

Июнь. Жара. Кузнецкий мост.
На ней—жакет. На нем—толстовка.
Их привела в текстильный хвост судьба—веселая плутовка.
Он смотрит пристально вперед, а сам, злодей! все вбок косится:
— А вам, гражданка, тоже ситца? Достанем, ежели попрет. Вон в 19-ом году: стою я как-то раз на просо...
Глаза горят, как папироса, и сердце сердцу шепчет: жду!

ХВОСТ ВТОРОЙ

Сентябрь. Вечерний трепет звезд.
(Уж не июнь! Темнеет рано).
От Госстекла до ресторана—унылый хвост... галошный хвост...
— Полина Львовна! Сколько лет! Как говорят: рука господня! Я знал, что встречу вас сегодня и захватил с собою плед. Дозвольте: плечики прикрою... Я не видал вас целый век... Поистине: гора с горою, а с человеком человек...
Слова срывались невзначай, сползали ниткою с катушки...
Он пил в тот вечер жидкий чай в ее аршинной комнатушке.

ХВОСТ ТРЕТИЙ

Декабрь. Все—братья во Христе. Сезон рождественского флирта.
Она нашла его в хвосте перед витриною Госспирта.
— Ну, как?
— Да к вечеру дойду. Как сказано: „пием и вкусим". А что с телятиной и гусем?
— У Марьи Павловны. На льду. Но, боже! Щеки как рябинки! Вот теплый шарф. Скорей! Надень!
...И было-ж выпито в тот день на новобрачной вечеринке!

ХВОСТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Апрель. Весенних почек рост: мотив восторженного барда.
О, нудный хвост! О, трудный хвост—у коммунального ломбарда.
Со всех сторон ворчливый хрип:
— Порядочки! Поменьше луж-бы!
Он—третий день в постели: грипп.
Она сокращена со службы.
Десятки равнодушных спин вокруг нее сомкнулись в клетку...
— Вдруг не возьмут в заклад браслетку? На что купить фенацетин?

Усмешку вижу на устах:
— Да уж! Историйка на совесть!
Читатель! Друг! Роман в хвостах—весьма безрадостная повесть.
Не подымай забытый спор о взглядах, осужденных всеми:
Цени в лирической поэме—экономический упор!

А. д'Актиль

ШКОЛЬНОЕ

— Как будет глагол „рожать" в настоящем времени?
— В настоящее время это будет „получать алименты!"

НАШИ ДЕТИ

— ...Там чудеса! И стоит там избушка на курьих ножках, без окон и без дверей!..
— Так какие же это чудеса, бабушка: это ж просто откомхозный дом, как у нас на 17-й линии!

ТО, ДА НЕ ТО

— Вы что, дорогая, от рождения такая худая и бледная?
— Не-е! От аборта!

ПОРЦИЯ ПО АППЕТИТУ

Домашние обеды в семье, пит., вкусные—за 1 рубль. Порция по аппетиту. Ул. Толмачева (б. Караванная). Тел. 62...

(Из газетн объявлений.)

Эта восхитительная феерическая картина стоит перед глазами Брюхина Серёги—во всех мельчайших подробностях.

Серега Брюхин занял в столовой самый скромный уголок и, в ожидании обеда, окинул взглядом прочих посетителей. Их было всего трое: одна женщина и двое мужчин, обедавших порознь, молча и неторопливо.

Особое внимание Сереги Брюхина привлекла женщина. И не потому, что всетаки—прекрасный пол. Перед обедом, знаете,—натощак—чихать хотел Серега на все прекрасные полы. Не до того, ежели в кишках ветер гуляет!

А заинтересовался Серега Брюхин прекрасной соседкой совсем с другой стороны.

Сидит дамочка—одним глазом—в суп,—лениво ложкой шевелит а другим глазом—в газету.

— Дура—думает Серега—нешто можно сразу-враз два, дела?! Ей бы, дуре, кушать, сколько влезет—по аппетиту, а она, видите, в газете прохлаждается! А хлеб-то, милые вы мои! Кто же так хлеб кушает по аппетиту? Полчаса одную корку треплет. Должно, в желудке неисправность какая...

Дальше Серега перестал о ней размышлять, потому что служащая девица в белом передничке поставила перед ним тарелку с борщом.

И тут, братцы, оно самое и началось. Конечно если строго рассуждать,—не годится есть суп так, как ел Серега Брюхин: деликатные благовоспитанные люди скажут, что, дескать,—непорядок, чтобы через две минуты в тарелке было пусто и чтобы от хлеба остались одни крошки.

Тем более, что хлеб дается разом и на первое, и на второе блюдо.

Но Серега этим вопросом совсем не интересовался: некогда. Пущай говорят, что угодно.

Серега поймал глазами служащую девицу и сказал:

— Супчику, гражданка. Соблаговолите.

Девица слегка улыбнулась, но вскоре принесла вторую тарелку. И даже любезно сказала:

— Суп у нас очень хороший.

И опять-таки Сереге некогда было шуры-муры разводить в деловое время. Ничего не сказал, кроме как по существу:

— Хлеба, гражданка, для супа.

Ну, поставила девица новую тарелку с хлебом и спрашивает:

— На второе что желаете: зразы или битки по-польски?

А Сереге, по правде сказать, и ответить трудно: засунул в рот ломоть хлеба, так что словам не протолкаться.

— М...м...м... я...—мычит с трудом:—не тороплюсь... Обожди, пока суп кончу. По аппетиту.

Девица плечами пожала—и в сторонку, Но, представьте, не поспела дойти до дверей, как уже Серега знак подает:

— Псс... как вас? Гражданка! Супу будьте любезны.

Тут, знаете, остальные посетители заинтересовались: глядят во все глаза на Серегу и сочувственно улыбаются.

— Завидный аппетит!—усмехнулся один из них.

А Сереге опять-таки времени нету отзываться: третьей тарелкой занят.

И уже девица не отходит: как принесла суп в третий раз, так и застыла сбоку в немом удивлении.

Серега же, братцы, только в тарелку и глядит и равномерно—ложка за ложкой—подает суп ко рту. И даже вспотел от удовольствия.

Опростав третью тарелку, собрал оставшиеся крошки хлеба, смял пальцем и—в рот, после чего командует:

— Теперчи, в порядке дня—мясное блюдо.

А все кругом—с Сереги глаз не спускают. Даже гражданка газету отложила и—одним глазом зразу кушает, а другим—на Серегу.

— Мясное теперчи. Зразы. И будьте так любезны—хлебца поболе.

И навалился тут Серега на зразы. Зразы, конечно, среднего размера, и внутри—кашей набиты. Но разбирать некогда. Об одном только успел подумать:

— Пустяки порция—пара. Ежели б не по аппетиту,—пропал бы на такой порции.

И действительно—раз-два, зубами хрустнул и нету! Одним словом, проглотил, как какой-нибудь буржуй—устрицу. Так, что только в горле пискнуло.



Рис. Б. А.

И уже командует служащей девице:

— Гражданка. Пару того же товару.

Но тут не так гладко вышло, как с супом. Суп что? Суп, конечно, жидкость: плеснул кипяточку, и не жалко дать лишнюю тарелку.

А с мясным блюдом похуже. Мясное блюдо кусается; ежели граждане станут трескать по чем зря.

Хозяйка столовой забеспокоилась, при виде такого захватывающего интереса к ее обеду. Велит девице сказать, что-мол за вторую порцию доплатить придется.

— Доплатить?—окрысился Серега:—А что ж у вас в объявлении обозначено: „порция по аппетиту"? Это как понимать? Да я за такой омман могу в прокуратуру пожалиться! Раз написано, то и потрафляй по аппетиту.

Помялись, но делать нечего: несут вторую порцию.

За второй, братцы мои,—третью.

Скандал и только! Даже повар, толстый, пареный, в белом колпаке, появился в дверях и на Серегу глядит.

А он ест и ест.

Уже с хозяйкой дурно стало—водой прыскали, чтобы в чувства пришла.

А Серега седьмую порцию заказывает. И не заметно, чтобы очумел от еды—ни в одном глазу.

Ужас! Восторг!

Наконец, все-таки исчерпался аппетит. Не лезет больше. Собрал крошки, придавил пальцем и—в рот.

Дальше, конечно,—лезь в карман, вынимай деньги и за все это удовольствие—рубль-целковый. Очень просто.

Но тут, братцы, бледнеет фантазия голодного Сереги Брюхина. Вся картина, в мелких подробностях, нарисовалась перед глазами Брюхина: и как суп ел, и как зразы, и как все удивлялись.

А насчет рубля—не рисуется Сереге Брюхину. Потому что во всей этой истории именно рубля и не хватает.

Нету рубля у Сереги Брюхина. А то обязательно пошел бы в эту замечательную столовую: хоть раз в жизни скушать „порцию по аппетиту".

Иван Прутков

ПОЛУ-ЖИВАЯ ОЧЕРЕДЬ

Рис. Б. Антоновского

В связи с эпидемией гриппа в коммунальный лечебницах больные ждут очереди по целым дням.



— Вон в газетах пишут: движение эпидемии, движение эпидемии... А какое-же это движение, когда можно сказать четвертые сутки с места не сходим, дежуримши?

КОМУ МАСЛЕНИЦА, А КОМУ И ПОСТ

Рис. А. Радакова

— А у нас блины ноне!

— А к нам солдат пришел.

ПРОЛЕТАРИЗАЦИЯ

Конфл. комис. союза Нарпит нередко приходится разбирать дела о нэпманах, которые, под видом домашней прислуги, пролезли в члены союза.
„Кр. Газ."

Собачкину надоело жить. Да разве это—жизнь? Вечная боязнь, вечное дрожание, что вот обложат тебя.

Вон опять приходил недавно (хорошо, что не застал дома) какой-то финорган. Что ему надо? Какую-то декларацию, говорят, подавать нужно... о доходах. А какие у Собачкина доходы? Одни расходы! Шесть шляпок за последний месяц пришлось жене купить...

Какая же декларация?

Хорошо еще—управдом „свой" человек. И, вообще, все в правлении—„свои" люди. А то загнули бы трехзначное число за 45 кв. саженей жилплощади!

Собачкин стал думать. Ежели по логике рассуждать,—всегда можно обрести успокоительный результат.

В чем, например, причины паршивого существования Собачкина?

— В фамилии!!!

Собачкин так и решил. Конечно, финорган, например, тоже знает Собачкина, а потому охотится за ним... Ежели бы обезвредить как-нибудь эту фамилию, или еще что.

„Свой человек" управдом Снюркин практический совет дал:

— Вы, дорогой, спрячьте свою фамилию!

— Как ее спрячешь?

— Путем пролетаризации.

— Пролетаризации?

— Ну, да. Способов пролетаризации—много. Вот, я вам укажу один: пойдите с моим удостоверением в райстрахкассу и застрахуйте себя...

— Как же это возможно?

— Ну, а что: придете, якобы вы—не вы, а некий гражданин, у которого живет, в качестве лакея, гражданин Собачкин, которого можно застраховать...

— Гениально. А потом?

— Ну, застрахуетесь. Декларация и всякая там финорганизация сами собой отпадут. Вы будете в союзе Нарпита, за вами будут ухаживать, обследования материального быта производить...

Собачкин последовал мудрому совету управдома Снюркина. И теперь ему совсем даже не надоело жить. Наоборот: жизнь—интересная борьба, в которой глубина опасности вскружает голову, как хмель.

У Собачкина вначале походная кровать стояла в кухне. Пришел обследователь из союза:

— Это вы здесь спите?

— Я.

— Безобразие! Эксплоатируют хозяйчики прислугу, и даже человеческого пристанища ей не хотят дать. Где ваш хозяин?

— Он временно выехал...

— Ну, вот что: через месяц я зайду. Обязательно, чтобы у вас была отдельная комната... Иначе оштрафую вашего хозяйчика.

Через месяц Собачкин принял обследователя в собственном кабинете, и тот ушел вполне довольный, чувствуя все свое профмогущество...

А теперь у Собачкина мелькнула новая мысль: жизнь становится пресной, когда все то-же. Хорошо окунуться в самую гущу опасностей... как в азартной игре!

Он решился себя рассчитать!

— Уволю себя,—думает Собачкин,—увольнение с одной стороны обжалую в союз, а с другой—подам в райстрахкассу. Из кассы пособие, а из союза—строжайшее предписание моему „хозяйчику": вплоть до разбора конфликта—не выселять меня из помещения. Значит, в квартире я буду жить вполне легально.

На завтра Собачкин себя уволил.

Борис Перфилов

НЕ ПОТОМУ-ЛИ!

Дробит понятья жизнь как молот,
Меняя часто смысл к тому-ж.
Не потому-ль *бумажный* голод
Что много есть... *чернильных* душ?

К. Ш.

ПОСЛЕДНИЙ КРИК МОДЫ

Рис. В. Лебедева.

Севзапгосторг отправил в Берлин партию мужских и дамских валенок.

ФОКСТРОТ В БЕРЛИНЕ.

СОЦИАЛЬНО-ОПАСНЫЙ

(Из зала суда)

Перед законом вечный страх
Сгоняет их случайным сбродом
К подвалам, нишам и проходам
В полуразрушенных домах.

Среди развалин, у костра,
Напоминая человека,
Как люди каменного века,
Они ютятся до утра.

Ты видишь тьму, пустую тьму
За равнодушными глазами,—
Не вспыхнут злобой и слезами,
Не улыбнутся ничему.

Вот, за углом перед тобой
Стоит беспомощным и нищим,—
И финский нож за голенищем,
И в мутных помыслах—разбой.

Уйди, не попадайся впредь
На темной улице квартала,
Остерегайся, как попало,
Когда не хочешь умереть!..

Ему недавно привелось
Трудом зажить—как-бы сначала—
Но по звериному скучала
Душа, прогнившая насквозь.

И ночью—волк, не человек—
Топор нащупавши на кухне,
Подкрался к спящему и—бухни—
За угощенье и ночлег.

Случайно примет вялый слух
Уже знакомое: „К расстрелу!"
Что смерть отравленному телу,
Когда давно разрушен дух!..

Дмитрий Цензор

ИНОСТРАНЦЫ В МОСКВЕ

Рис. Б. Антоновского.



— Странная страна этот С. С. С. Р.! Какой неудобный вход в метрополитен!

СВОБОДНАЯ ПРОФЕССИЯ

Их было трое: актер, художник и писатель. Еще была жена актера, но она в счет не идет.

И сидели они в конуре актера, где термометр показывал бы — 4, если бы он там имелся.

Разговор шел на самую приятную тему о высоком призвании артиста, о преимуществе его быть свободным от всяких служебных обязанностей, быть тем, что называется „свободной профессией".

— О, свободная профессия! — воскликнул актер, потирая замерзшие руки:—Тут и наслаждение творчеством, и слава, и деньги!..

— Ну, насчет денег... — заикнулась было жена актера,—но он ее перебил:

— А что скажешь, нет?.. Да знаешь ли ты, что Дуглас Фербенкс по государственному налогу стоит на втором месте, в то время, как миллиардер Рокфеллер—только на четвертом?!.

— Так ведь он, кажется, американский артист...—робко возразила жена.

— Что ж, что американский? Он такой же актер, как и я!. Да вот возьми и русского, ну хотя бы Шаляпина: горы золота загребает!..

— Но Шаляпин тоже, кажется, американский...

— Ничего подобного! Чистейший русский!.. Да, наконец, это все равно: искусство интернационально! И артист — гражданин всего мира!..

— А литературная профессия!—вдохновенно подхватил писатель: — Наш брат тоже лицом в грязь не ударит! Вон Пьер Бенуа на одной „Атлантиде" миллион франков заграбастал. Это вам не фунт изюму!.. А не хотите француза—возьмите наших русских, ну, хоть Толстого и Щеголева: сто тысяч рубликов за „Заговор" в карман положили,—и хоть бы тебе что! Как ни в чем не бывало! Одного налогу двадцать семь тысяч заплатили!..

Тут уж не стерпел и художник.

— Вон за картину Рембрандта,—сказал он с гордостью: — американцы отвалили в Париже два миллиона долларов! Художники — тоже молодцы ребята! Тоже ведь свободная профессия!..

Мороз усиливался. Температура в конуре понизилась градусов до двух. Понизилось и настроение собеседников. Хозяин-актер почувствовал, что скоро дело дойдет до точки замерзания. Полез в шкаф, где когда-то лежали дрова, наскреб там щепочек и бересты, сунул в буржуйку и зажег. И, грея у огня руки, восторженно мечтательно говорил:

— Если бы у меня были деньги—я купил бы десять кубов дров, и жег бы, жег бы, жег бы их, проклятых, без конца! А кончились бы—купил бы еще десять! И еще десять! И еще десять! И уж всласть бы погрелся!..

Писатель взял с тарелки лежавшую на ней единственную черствую корочку хлеба и, грызя ее, задумчиво проговорил:

— А если бы у меня были деньги—я купил бы хлеба—много, пуд, десять, двадцать пудов! И ел бы, ел бы, ел бы, так до смерти, не переставая, все ел бы... Может, и наелся бы, наконец, досыта...

Художник только сочувственно кивал головой на слова того и другого.

Раздался стук в дверь. Все вздрогнули. Вошел управдом. Он обратился к актеру:

— С вас по новой квартплате за истекший месяц причитается 82 рубля.

Актер схватился за голову:

— Так много? За что?

— Меньше нельзя,—почтительно улыбнулся управдом:—Свободная профессия-с...

— К дьяволу свободную профессию! Какая я к черту свободная профессия? Я умираю с голоду! Я мерзну, как собака!.. Послушайте, товарищ управдом,—он вдруг понизил голос почти до шопота:—А нельзя ли как нибудь эту самую свободную профессию того... по-боку? Ну, напишите там—безработный кустарь сапожник, что-ли? А я уж того... буду молчать, как проклятый! И не заикнусь даже о... о свободной профессии, будь она проклята!..

Управдом, приняв это за шутку, рассмеялся.

— Ну, что вы-с? У нас вся надежда на жильцов со свободной профессией. Без вас нам и за воду, и за электричество не заплатить, и ремонта никакого не произвести...

— Хм... — сказал актер и злорадно усмехнулся:—В таком случае—плохо же ваше дело!

— Почему?

— Да потому, что я, черт возьми, не Фербенкс какой-нибудь, не Шаляпин, не Бенуа и не Толстой со Щеголевым! Вот почему, если хотите знать!..

И с негодованием отвернулся.

Вл. Ленский

АРЕНДАТОРЫ

Отделы ком. хоз. приступили к сдаче в аренду разрушенных домов. Арендаторы получают льготные условия, при условии полного ремонта.

Рис. Н. Радлова



— Вы тут чего делаете?
— Так-что домик обследуем, товарищ мильтон. Несподручно арендовать, не осмотремши.

ТА И ДРУГАЯ

Они встретились на рынке—обе с корзинами, обе озабоченные решением одной из труднейших задач в мире: на малое количество денег купить большое количество провизии.

Первые слова, которыми они обменялись, были о мясе, подорожавшем на три копейки, и о мороженой рыбе, которую очень опасно брать, так как не разберешь—свежая она или лежалая.

Потом они заговорили кстати о мужьях.

— Ну, как твой? спросила брюнетка в сером платке.

Другая (автор затрудняется назвать цвет ее волос и глаз—так как не рассмотрел), переложив корзину с руки на-руку, ответила:

— Спасибо. Ничего. Что ему делается!

— Пьет?.

— Бросил. Шестые сутки трезвый.

Будь брюнетка наблюдательней, она уловила бы некоторую неуверенность и фальшь в словах приятельницы. Но всё ее внимание ушло на то, чтобы вложить в свой голос побольше радостного сочувствия.

— Да что ты, душечка!—воскликнула она:—Вот я рада-то! А со службой как? Устроился?

— Обещали на будущей неделе.

— Скажи, какая тебе удача!

— А как у тебя?—спросила, в свою очередь, та, цвет волос которой ускользнул от внимания автора:—Шляндает твой?

— Это с девкой-то?— переспросила брюнетка и решительно махнула рукой.

— Не-эт. Давно отставку дал. Теперь, милая, всё до́ма и до́ма. И думать о ней забыл. Вчерась мне платок даже купил пуховый.

— Ну, вот как отлично! Стало быть, не из дома, а в дом несет?

— Несет, милая—уверенно подхватила брюнетка:—И что я тебе скажу: курить бросил. Ей-богу. Оно, конечно, небольшой расход, но всетаки-ж...

Приятельница брюнетки (ужасно, ей-богу, неудобно, когда не запомнишь, блондинка она или рыжая!) мечтательно сказала:

— На лишние деньги лучше-ж в кино сходить. Мой-то давеча и то говорит: пойдем, говорит, на «Сына вождя». Так прямо и сказал.

— На „Вождя"?—вскричала восторженно брюнетка:—обязательно сходите. Ну, что за чудная картинка!

— А ты видала?—с тайной завистью спросила брюнеткина приятельница.

— Как же, милая! Муж водил. Как же!

Они расстались, и каждая вернулась к себе.

— Аспид! — выговаривала мужу та, которая не брюнетка:—Изверг! Шантрапа! Пьяная твоя харя! У других мужья и не пьют, и служат, и с девками не хороводятся. Другие мужья—платок жене, или в киношку сводят. А ты что? Погибель мне с тобою?

— Аспид!—кричала мужу и та, которая—брюнетка:— У людей—мужья как мужья: не пьют, служат, с девками не гуляют. Жене платок или, например, в киношку, на «Сына вождя»! А ты... У-у свинья пьяная!.

Ив. Прутков

СЛУЧАЙ В ТАРАКАНОТРЕСТЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ОБ АМЕРИКАНСКОМ ПРОФЕССОРЕ ДЖОНЕ ПУПКИСЕ, ГОРИЛЛАХ, АМЕРИКАНСКИХ СЕНАТОРАХ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРЕССЕ.

Мир был потрясен сенсационным открытием.

Американским ученым Джоном Пупкисом была найдена прививка от взяток и растрат.

Первые опыты, произведенные над обезьянами и американскими сенаторами, дали поразительные результаты.

Горилла, перед которой была положена горсть орехов, предназначенных для раздачи ее сородичам, не тронула ни одного ореха, а сенаторы не взяли ни гроша с „Акц. О-ва Свинокомпании" за поддержку закона о снижении налога со скотопромышленников и увеличения его с рабочих и служащих.

Газеты по этому поводу писали:

„Нет сомнения, что открытие профессором Пупкисом противовзяточной и противорастратной прививки в корне изменит мировую экономику, если означенную прививку начать делать с членов королевских фамилий, президентов республик, и министров финансов".

Некоторая дороговизна прививки (ее чудесные качества терялись от соприкосновения с солнечным светом, а потому она заключалась в герметически закупоренные ампулы из чистого золота) искупалась ее необычайными результатами.

Пупкиса осаждали интервьюеры, причем на предложение ученого одному из них сделать прививку, честный журналист ответил:

— Нет уж, знаете. У меня семья. Кроме того, европейская пресса и так неподкупна.

ГЛАВА ВТОРАЯ. О ЗАКАЗЕ ТАРАКАНОТРЕСТА, О САМОУБИЙСТВАХ И СУМАСШЕСТВИИ.

В СССР-е извистие об открытии встретило живой отклик. Наркомздрав Семашко и губпрокурор Крастин сделали на эту тему в общем и целом 113 докладов, Луначарский написал пьесу „Противоядие", а Тараканотрест чер з Амторг заказал для своих кассиров и служащих 8439 ампул чудодейственного снадобья.

Тараканотрестовцы ходили унылые, и даже получения денег за бездельные командировки и за участие в комиссиях по снижению накладных расходов не вносили в их жизнь тихой радости честно исполненного гражданского долга.

Два кассира окончили жизнь самоубийством, а третьего, у которого ревизия обнаружила в кассе излишек в 218 р. 37 к., отправили в сумасшедший дом, хотя, кроме этого излишка, никаких странностей за кассиром замечено не было.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. О ТАИНСТВЕННОМ ЯЩИКЕ, РАБКОРЕ „ОКО" И РАСТЕРЯННОСТИ ПИШМАШИНИСТОК.

Наконец, солидный ящик с драгоценными золотыми ампулами, охраняемый конной милицией, был доставлен в помещение Тараканотреста и водворен под замок в кабинете председателя.

В трестовской стенгазате „Красный Таракан" рабкор „Око" писал:

„Наконец-то мы избавимся от страшного бича, подтачивающего организм нашего производства.

Мы над еся, что противорастратная сыворотка окажет свое благотворное действие на нашу администрацию, заставив ее поставить в цехах вентиляторы и одернуть мастера Свекровкина, кроющего беззащитных работниц матом.

Охрана Труда, где ты?"

Заметка рабкора „Око", вместе с объявлением о том, что:

Обязательная противорастратная прививка будет производиться в пятницу с 12 ч. дня.

произвели на служащих ошеломляющее действие.

Даже машинистки перестали пудриться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ. О ПОВЫШЕНИИ СМЕРТНОСТИ В ЛЕНИНГРАДЕ, КОКЛЮШЕ ПРЕДТРЕСТА, „ТРОКАДЕРО" И О НОРМАЛИЗАЦИИ ЖИЗНИ.

В злополучную пятницу на занятия в Тараканотресте не явилось больше половины служащих.

Барышня, сидящая „на входящем", изнемогала от регистрации медицинских свидетельств и удостоверений домкомов.

Смертность в этот день в Ленинграде превысила все существующие нормы.

У 229-ти сотрудников треста, согласно домкомовских бумажек, умерло 229 родных и двоюродных теток, у 115-ти скончались свояченицы. Количество умерших тещ не поддавалось учету.

И даже предтреста, у которого находился ключ от кабинета, где были заперты чудесные ампулы, прислал удостоверение, что он скоропостижно заболел ветряной оспой и острой формой коклюша.

А в 2 часа дня явились агенты угрозыска и, вскрыв кабинет председателя, обнаружили исчезновение всех 8439 золотых ампул, из которых прямо на пол была вылита целящая сыворотка.

Арестованный пред, после долгого запирательства, сознался, что золотые трубочки он продал, а деньги проиграл в „Трокадеро".

Кассир, у которого ревизией были обнаружены в кассе денежные излишки, после выпуска из сумасшедшего дома, через три дня уже растратил 6.000 рублей.

Жизнь в тресте вошла в обычную колею.

К. Шелонский

О ГАЛОШАХ

В магазине Резинотреста было тихо. Дремали приказчики. Дремал кот на прилавке.

На окне — запыленная надпись: „Никаких галош, кроме 5 и 16 №№ нет".

Вошел покупатель. Все лениво переглянулись: никому не хотелось в 1001-й раз говорить скороговоркой:

— 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15 №№ нет.

Но покупатель сказал:

— А нет-ли у вас букв для галош?

И сразу все засуетились. Кот спрыгнул с прилавка, кассирша бодро выбила „12 коп.", и покупателю были выданы буквы.

Так торговал Резинотрест в апреле 1926 г.

Н.

ПО БУКВЕ ЗАКОНА

Разрабатывается проэкт постановления о запрещении детям до 10 лет посещать кино. (Кр. В. Газ.)

Рис. М. Шемиота



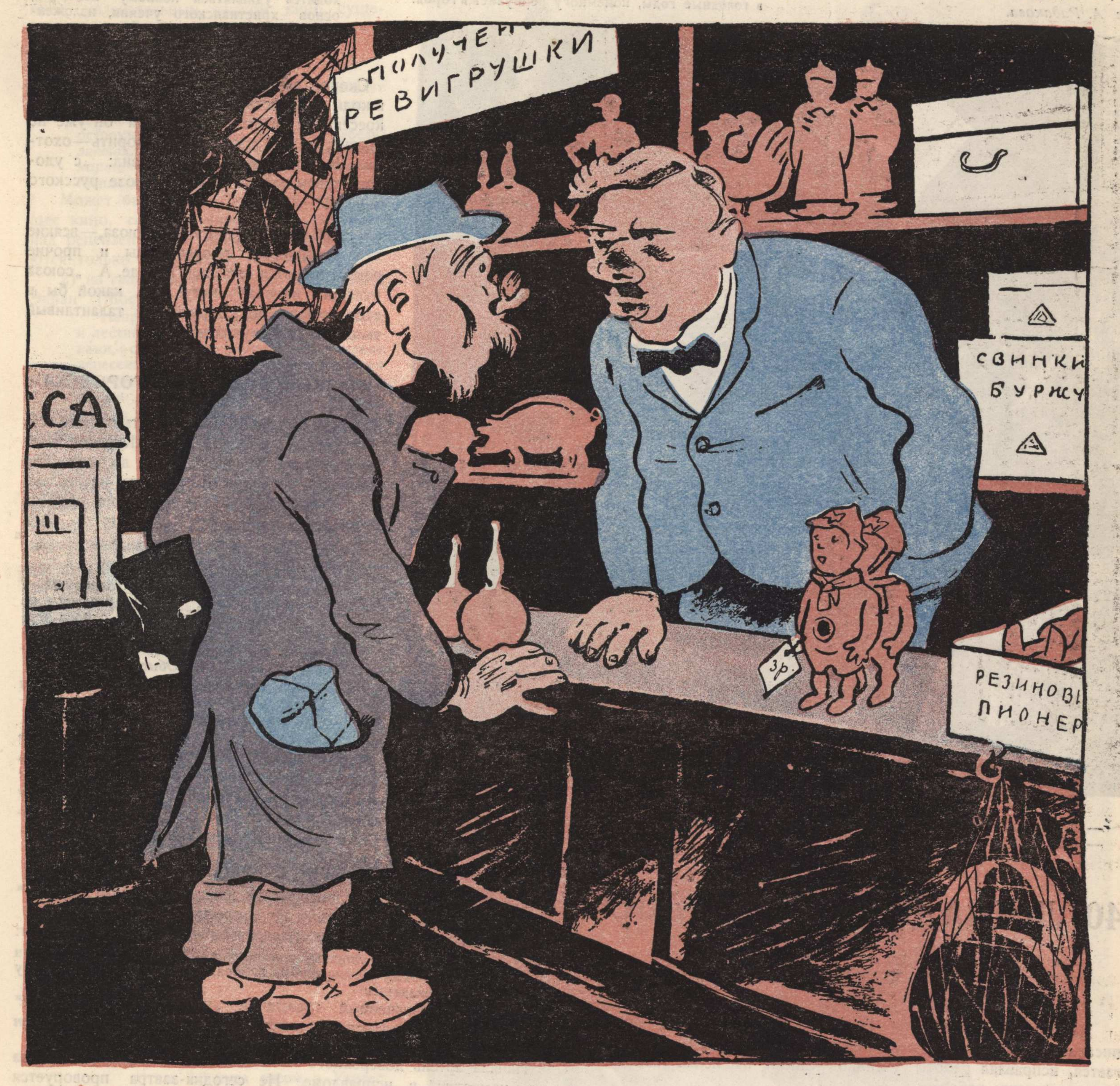
— Мальчик! Детям до 10-ти лет в кино нельзя!

— Да мне, тетенька, сегодня, в 9 часов вечера, ровно десять и будет! Как-раз ко второму сеансу.

ЭТО ВАМ НЕ ИГРУШКИ

Рис. Н. Радлова.

„Кр. Треуг." выпускает первую партию резиновых игрушек из революц. быта. (Веч. „Кр. газета")



— Помилуйте-с! Калош нет... Уж которую неделю...

ПОВЕСТЬ О ЛЮБВИ

У весны нахальные, от природы, замашки,
И проста ее вера, как пяток папирос—
Несмотря на призывы наркомздрава Семашки,
С плеча половой разрешает вопрос!..

„Переключение тока!.. Кружки физкультуры!.."
„Ах, как вам не стыдно? Ведь вы — не рабы?!."
Наслушавшись вдосталь лекционной халтуры,
Сшибает весна оголтелые лбы.

Глотнувши апреля по-добру, по-здорову,
Упорно, задорно—лови, не лови—
Гражданин Иванов гражданку Петрову
Влечет вдохновенно на „алтарь" любви.

Пиджак-ли—толстовка, на улице—в вузе,
Под бег Ундервудов, под гомон контор,—
Атакует юность в Советском Союзе,
Сердца распирает страстей затор.

О, Дарвин, папаша! Твои я седины
Сыновнею памятью снова почту,
Когда весною крошатся льдины,
И пары вздыхают на каждом мосту.

Не ты-ль, старичище, нацелившись метко,
Адаму и Еве устроил пробор,
Не ты-ли мне дал обезьяньего предка,
Всю божью постройку швырнув под забор?!

Тяжело, неизбывно весеннее бремя
Гнет, пригибает людей к земле,
Но ставит любовь свою ногу в стремя
И вот уже мчится стрлоей в седле...

А зоркие люди сторожат с декретом,
Пока в сентябре, с усталым лицом,
Гражданин Иванов, перестав быть поэтом,
Не уйдет от Петровой, подлец подлецом.

И будет плакать гражданка Петрова,
И всхлипнет на лестнице:—Деньги готовы!
И решит сквозь слезы, что жизнь сурова,
А книги врут про любовь.

Александр Флит

ПО ДАРВИНУ

— Не может, матушка, нынешний человек-от без хвоста жить.

— Что вы?!

— А как же: вон госспиртовой хвост прикончили, так мануфактурный опять же появился!..

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТ

Рис. А. Радакова.

Мебель и инструменты, ушедшие в деревню в голодные годы, понемногу вернулись в город.



— А недурно у Петра Иваныча выходит крестьянская частушка...
— Еще бы! Когда инструмент два года в курной избе стоял!..

40 ЛОШАДЕЙ И 8 ЧЕЛОВЕК

ЧТО ТАКОЕ ПАСХА?

Не так давно в Вятской Белохолуницкой школе 2 ступени писали сочинение „Что такое пасха." Преподаватель, как полагается, исправлял работы учеников—писал на полях замечания и давал оценку работе.

Так вот, ученица Лена Киселева написала такое сочинение, а преподаватель Першаков его выправлял... „Вятская Правда" (№ 288) приводит несколько любопытных „замечаний на полях", сделанных Першаковым в сочинении Киселевой.

ИЗ СОЧИНЕНИЯ УЧЕНИЦЫ КИСЕЛЕВОЙ	СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ПЕРШАКОВА
Никогда не было такого случая, чтобы кто нибудь умер и воскрес...	Почему же не было? Прочтите библию...
Мы уже знаем, что такое небо...	Неужели знаете?
Оттуда взялось религиозное понятие...	На основании свидетельства апостолов.
Очевидно, христиане заимствовали свои обряды и верования у древнейших народов.	Совсем не очевидно
Религиозное представление первобытного человека развилось оттого, что он чувствовал себя рабом природы.	Христос научил людей поклоняться истинному богу, а не твари, как это делали темные язычники.

Затем этот преподаватель советской школы дает такую оценку работе ученицы:

„Относительно пасхи христовой написана явная ложь, так как христианское учение с языческим смешивать решительно нельзя, ибо христианство — это и свет и истина, а язычество—безбожие, тьма и ложь. Что Иисус Христос действительно воскрес —этому верят миллионы людей—это основание христианской веры. Приходится удивляться полному незнанию основ христианского учения, изложенных в евангелии, среди людей, носящих от крещения христианские имена".

Скоро, впрочем, Першакова „ушли" из школы, и он устроился псаломщиком в Воскресенской церкви. Сочинения он уже не правит, а вот проповеди говорить—охотник. В одной из них он заявил: „с удовольствием поработал бы в союзе русского народа!"

Э-эх! На грех, нет этого союза,—всякие там металлисты, просвещенцы и прочие союзы имеются в каждом городе. А „союза русского народа"—нету!... А какой бы в этом союзе из Першакова талантливый выдвиженец получился!...

ФРАНЦУЗСКОЕ С НИЖЕГОРОДСКИМ

Усвоив лозунг „вежливость прежде всего!", нижегородскоеТПО М.-Курской ж. д. побило все установленные до сих пор рекорды предупредительности, не только для Госучреждений, но даже для частных лиц.

По словам „Ниж. Коммуны"—

> В Магазине Т. П. О. М. К. Ю. Д. ворвалась дама и заявила, что только что ее обсчитал кассир, давши ей сдачу не с трехчервонной купюры, а с одного червонца. Кассир проверил кассу. Все правильно. Тогда вмешался в спор уполномоченный Т. П. О.:—Обыскать!
>
> *И несчастного старика кассира, на глазах у торжествующей дамы, подвергли унизительному обыску.*

Есть на Волге пословица: „Заставь нижегородское ТПО покупателю служить, он все лбы служащим разобьет." Предлагается читателю срочно отгадать, почему нижегородское ТПО не расшибло *собственного лба.* Ответ—по телеграфу.

ДОВЕРИЕ С ТОРГОВ

Это—не чушь, а факт российской жизни. „Красный Курган" приводит следующую выдержку из корреспонденции с места:

Поднимается председатель маслолавочной артели и заявляет:

> *Нанимается с торгов, в качестве доверенного,* гражданин деревни Золотое, Половинского района, Носков Аверьян. Прошу товарищ показаться!

Показался означенный гражданин „почтеннейшей публике" и, несмотря на протесты сознательного элемента, *был нанят с торгов по дешевке на должность доверенного лица артели.*

Наняла артель доверенного и сейчас же забронировала за ним „комнатку" в исправдоме. Не сегодня-завтра проворуется человек, а в каждом хозяйстве „плановость" требуется!.

У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ

Осторожные люди сидят в провинции. Прямо скажем, пуганые вороны. К примеру—

> Тверское Е. П. О., желая нанять кассира, обратилось не в профсоюз за безработным, *а к... уполномоченному ГПУ.*
>
> („Красн. Пахарь" № 17).

Обратишься на биржу труда—растратчика, не ровен час, подсунут. То-ли дело ГПУ. Уж если и там честных людей не найдется, тогда крышка: упраздняй должность кассира и прикрывай лавочку.

А потом же—услуга за услугу: ГПУ кассира поставит, а там, смотришь, все тверское ЕПО, может статься, в ГПУ переедет.

Чего-чего только не бывает во всероссийском масштабе?!

В ОБЩЕМ И ЦЕЛОМ

Проверка политграмоты в одной из партячеек Самары („Коммуна", № 2013).

Тов. Н. задают вопрос:

> — Вы про Макдональда что-нибудь слышали?
>
> — Слыхал,—уверенно отвечает проверяемый.—Это... китайский император!

Впрочем, газета добавляет, что

> в общем и целом, прошедший учебный год в значительной мере пополнил пробелы.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Мы все согласны с тем, что у кино, как у особого рода искусства, имеется свой собственный, весьма и весьма выразительный язык, но на-ряду с захватывающим, увлекательным языком кино, существует дурной кино-язык... рецензентов. На удачу берем две выдержки:

1) Из „Орловской Правды“:

> Заслуженный успех фильмы создает хорошая игра артиста Михоельса, давшего очень удачный образ Менахема, и остроумные надписи писателя Бабеля, *заставляющие смеяться больше самой картины над* похождениями неудачника Менделя.

Может быть, когда изобретут говорящее кино, *сама картина будет смеяться* над рецензентами, а покамест картины смеются только в неудачных рецензиях.

2) из *столичного* журнала „Советский Экран“ (Москва)

> Например, когда толпа по переходам и лестницам проходит стройными колоннами, стекаясь к молу, это шествие пересекается беспомощно *метающимися по экрану* отвлеченными *надписями* вроде как „молва облетала город...“ и т. д.

Дорогой товарищ! Зачем метаться, когда есть русская грамматика?

*

Некий Бернони в № 214 тифлисской „Рабочей Правды“ рассказывает о том, как обидели счетовода Садулишвили, коему, по постановлению юротдела, отказали в отпуске. Статейка подана под таким темпераментным заголовком-призывом:

СВЕРНУТЬ БЫ ШЕЮ ТАКОМУ ЮРИСТУ.

Отстал ты, брат Бернони! Нету у тебя колорита! Подавать—так уж подавать! Ну так например:

КИНЖАЛОМ ЕГО СУКИНА СЫНА!

или

БЕЙТЕ ЕГО, ПОДЛЕЦА,—Я ОТВЕЧАЮ!

Чувствуешь, Бернони,—какая это... красота?

*

Из объявлений харьковского „Пролетария“ (№ 256).

КАК СТАТЬ ПИСАТЕЛЕМ?

Подробности за 50 к. марками. Ст. Славянск, Донецкой железной дороги почт. ящик № 11.

Товарищи начинающие! Требуйте гарантий! Что если из вас выйдет, скажем, — Семен Родов или Лелевич? Пропали тогда ваши полтиннички. Меньше чем на Гоголя не соглашайтесь!

ТЯЖЕЛОВЕСЫ

Некоторые тресты представляют годовую отчетность в 2-3 пуда весом, а Укрлес умудрился довести свою отчетность до $5^1/_2$ пудов.

Пять с половиною пудов?
О, канцелярская добротность!
Каких-же стоила трудов
Такая веская отчетность?

Но погоди смеяться, брат!
Умей глядеть на вещи шире.
Да может тут одних растрат,
Примерно, пуда на четыре?

Не ной, что дурням—благодать.
Но трезво исходя из факта,
Старайся лучше угадать
Вес обвинительного акта!

А. А. А.

ОБЪЯСНИЛ

— Ваня, почему ты, нося фамилию Иванов, поставил букву „К“ в галоши?

— Фамилия-то у меня такая распространенная, что если букву „И“ поставить, то могут очень свободно галоши мои заменить.

ЗАКОННАЯ КОНТРАБАНДА

Рис. Л. Бродаты

В 10 и больше раз повышена пошлина на парфюмерию и косметику.



— Косметики у вас, гражданка, куды больше нормы... Только счастье ваше, что вы ее на лице везете!

Издатель: „ГУДОК“ — Ответственный редактор А. С. Андрейчик.

Ленинградский Гублит № 12919. Типография „Инвалид Печатник“, Ленинград, Улица Воинова, 26. Тираж. 70.000 экз.

ФАКТ, А НЕ РЕКЛАМА

Рис. Л. Бродаты

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ! ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ! ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ!



— И напрасно вы, гражданин, так нагло требуете: сказано вам—нет ситцу, и нет. Кумач, действительно, имеется: ежели вам на флаг полметра, так пожалуйста. А чего нет—того нет.